

Языковая политика как инструмент формирования гражданской идентичности: на примере Боснии и Герцеговины

Т.И. Попадьева

Институт системно-стратегического анализа

Гражданская идентичность является одним из значимых факторов современной политической практики. Формирование и развитие идентичности больших национальных групп сегодня всё меньше основывается на культурно-историческом фундаменте и всё более зависит от политических технологий. В их ряду важное место занимает конструирование новых языков. Статья посвящена комплексному исследованию боснийской языковой политики, которая вопреки идее формирования общей гражданской идентичности становится фактором создания «кузницы ненависти». Опираясь на конструктивистские теории, автор обобщает боснийские языковые практики и рассматривает их через призму символического интеракционизма и системы отрицательной обратной связи. Особое внимание уделено ситуациям, когда стремление к эффективной коммуникации мотивирует носителей языка отказываться от этнически окрашенных лингвистических маркеров, а также случаям, в которых язык выступает в качестве защиты от внутреннего «другого». Применяя критерии разграничения языка и диалектов, автор приходит к выводу, что фонетический принцип формирования сербохорватского языка позволил после разрушения Югославии превратить данный лингвистический континуум в инструмент по размежеванию граждан одной страны. Подобный опыт полезен для анализа политизации литературных трактовок и языковых норм в других регионах мира, где также есть примеры роста ксенофобии, национализма и нетерпимости как результата разграничительной языковой политики.

Ключевые слова: гражданская идентичность, языковая политика, образ «другого», сербохорватский язык, Балканы, Босния и Герцеговина

Пока лингвисты спорят о том, существует ли один или четыре языка на пространстве бывшей Югославии (сербский, хорватский, боснийский, черногорский), на политическом уровне ответ уже определён: если есть государство, имеющее название по доминирующей этнической группе его населяющей, то эта этническая группа должна иметь собственный язык. Для

УДК: 325.3

Поступила в редакцию: 25.06.2021 г.

Принята к публикации: 21.07.2021 г.

политиков совершенно не важно, что отличия нового языка от материнского основаны исключительно на диалектах и часто придуманных на скорую руку грамматических правилах.

«Чересполосное проживание народов с разными историческими судьбами, объединёнными, в сущности, одной общей судьбой, имя которой “балканизация”» (Пономарева 2013: 82), определило, с одной стороны, необходимость выработки общего средства коммуникации; с другой – консервировало множественные диалекты. Основы единого сербохорватского языка были заложены в начале XIX в. сербским просветителем Вуком Караджичем. В 1850 г. сербскими и хорватскими интеллектуалами было подписано Венское литературное соглашение о создании единого литературного языка. Во второй половине XIX в. произошла дополнительная кодификация сербохорватского языка на основе стандарта Караджича. Одновременно существовали (в ограниченном масштабе) и другие литературные нормы на основе диалектов этой зоны (например, кайкавский литературный язык был распространён на северо-востоке Хорватии, в приграничных районах с Венгрией и в Румынии). Во время существования фашистского Независимого государства Хорватия усташи путём введения большого количества неологизмов попытались искусственно выделить хорватский из сербохорватского. После окончания Второй мировой войны практически все искусственно внедрённые слова прекратили существование.

В 1954 г. было заключено Новисадское соглашение, признавшее существование хорватского и сербского вариантов *одного* сербохорватского языка, который имел две нормы произношения – экавскую и иекавскую, а кириллический и латинский алфавиты признавались равноправными в ареале своего использования (Секулић 1966). Политико-юридический статус сербохорватского как государственного языка СФРЮ был закреплён в Основном законе страны.

Разрушение социалистической Югославии не только повлекло за собой кровопролитные войны за территории, но и привело к языковому размежеванию. В каждой новой республике было принято политическое решение о языке. В настоящее время в Боснии и Герцеговине говорят на боснийском (босанском), в Сербии – на сербском, в Хорватии – на хорватском, в Черногории – на черногорском. Таким образом, один сербохорватский язык стал базой для трёх новых; сербский после размежевания практически не изменился; устаревшими признаны ряд традиционно хорватских слов (Tošović, Wonisch 2012: 126-127).

Отдельно стоит отметить, что основным принципом Караджича при создании единого языка стал фонетический – «пиши, как говоришь». Это принципиальной важности решение упростило кодификацию языка и позволило максимально упростить чтение и письмо на нём (Selimović 1987: 20). Однако в XIX в. именно фонетический принцип написания позволяет превращать особенности произношения сербохорватского языкового континуума в литературные нормы уже разных языков.

В данной связи представляется важным рассмотреть причины, из-за которых боснийские политики проигрывают символическую борьбу в создании общепоснийской гражданской идентичности, политизируя языковые нормы. С этой целью необходимо рассмотреть основополагающие исторические и политические нарративы языковой политики как на Балканах в целом, так и в Боснии и Герцеговине, в частности.

Научный интерес к вопросам влияния языковой политики на формирование гражданской идентичности на Балканах всегда был высоким и до сих пор вызывает острые споры среди лингвистов, социологов политологов как зарубежных, так и отечественных. Так, в свете исследования данного вопроса интересными представляются работы балканских авторов, являющихся носителями «спорной» языковой идентичности, таких как Р. Бугарски (Бугарски 2012; 2017), Б. Тошович (Тошович 2012), С. Халибашич (Халибашич 2018), М. Капович (Капович 2011), Р. Матасович (Матасович 2001), М. Митрович (Митрович 2004). Несмотря на то, что учёные соглашались с тем, что появившееся народы ищут легитимацию своей идентичности в исторических нарративах и используют язык(и) в качестве политического и идеологического оружия, мнения относительно генезиса сербохорватского языкового континуума и перспективы развития языковой политики в Боснии разнятся кардинально, рифмуясь уже в научных дебатах с этнополитическим конфликтом в стране. Также важное место в полемике о языковой полифонии на Балканах занимают работы западных и отечественных авторов: Р. Александера (Александр 2010), К. Кармайкла (Кармайкл 2000), М. Малаботта (Малаботт 2004), Г.Г. Тяпко (Тяпко 2006). Анализом общей теории лингвоэтничности занимались Г. Джайлс (Джайлс 1977; 1981; 1987), Р. Гринберг (Гринберг 2009), Д. Эдвардс (Эдвардс 2009), чьи исследования, хоть и не полностью, могут экстраполироваться на случай БиГ.

Исследование языковой политики в контексте формирования гражданской идентичности в стране со сложным этническим, культурным, религиозным составом и противоречивым прошлым демонстрирует необходимость не только полагаться на периодические переписи населения, законодательные акты в разные исторические периоды и научные дискуссии в рамках обособленных парадигмальных подходов, но обращаться к языку как к социальному конструкту, анализ которого возможен на основе синтеза социально-психологических, культурных, антропологических и политических идей. Мультидисциплинарное исследование языковой политики позволит объяснить, почему Босния и Герцеговина стала сегодня местом «лингвистического апартеида» (Bugarski 2012: 233).

Методологическая рамка исследования

Гражданская идентичность (ГИ) представляет собой многомерное социальное явление. Несмотря на регулярные попытки операционализации в рамках различных социальных дисциплин (социальная психология, социология, ан-

тропология, культурология, политология (Ачкасов 2013; Горшков, Тюрина 2018; Нойманн 2004; Семенов, Фадеева 2011; Petrović 2006)), гражданская идентичность, как и феномен идентичности в целом, является источником многочисленных дилемм. Столь сложная и потому междисциплинарная проблема требует особого аналитического подхода, особенно с учётом того, что существенная роль в формировании ГИ вне зависимости от страны и исторического наследия конкретного общества принадлежит языку.

В качестве методологической рамки исследования проблемы влияния языковой политики на формирование гражданской идентичности наибольшую эвристическую ценность представляет конструктивизм. Конструктивисты уделяют особое внимание роли «языка», «лингвистических конструкций» и «социальных дискурсов» в формировании социальной реальности и идентичности. В конструктивистской парадигме доминируют постпозитивистские и интерпретивистские подходы, а наряду с дедуктивной широко используется индуктивная (снизу вверх) стратегия исследования (Алексеева 2019: 299).

Данный подход объединяет различные парадигмальные школы: веберовскую интерпретативную социологию и символический интеракционизм, вебленовский институционализм, постструктурализм и герменевтику (Mead 1934: 33–47). Не менее значима опора его сторонников на интересубъективное измерение человеческой деятельности. Поскольку люди – культурные существа, наделённые способностью и готовностью обдумывать отношение к миру и придавать ему смысл, на первый план для конструктивистов выходят социальные факторы, которые не осязаемы в материальном мире, но напрямую зависят от человеческого согласия и обусловлены существованием социальных институтов. Эту мысль чётко зафиксировал А. Вендт: «Фундаментальным принципом конструктивистской социальной теории является то, что люди действуют по отношению к объектам, включая других акторов, на основе смыслов, которые для них имеют эти объекты» (Wendt 1992: 394).

В свою очередь язык и политика его кодификации являются одним из инструментов идентификации общества. Так, несмотря на примордиалистский подход к изучению истории формирования языковых особенностей и норм, на современном этапе развития языков уместно признавать языковую политику государств маркером гражданской идентичности.

Теоретики идентитарных исследований выделяют две научные концепции, определившие становление современного представления об идентичности. Первая – символический интеракционизм, который отвечает на вопросы о процессах формирования идентичности и функционирования идентичности (Дж. Мид). Вторая – теория перцептивного контроля, разработанная У. Пауэрсом. Она изучает природу системы контроля и объясняет «установки» и «намерения», лежащие в основе всего живого. Эти идеи служат фундаментом для понимания процессов функционирования идентичности (Burke, Stets 2009: 33–47).

Термин «символический интеракционизм» был предложен Г. Блюмером (Blumer 1962: 179–192) при толковании концепции Дж. Мида. Последний рассматривал уникальный характер человеческого взаимодействия через использование общих символов. Символы в его понимании могут обозначать объекты и события, причем как физически существующие, так и отсутствующие в реальности.

В работе 1934 г. «Разум, я и общество» Мид утверждает, что формирование разума и Я человека есть продукт социальной стороны жизни (Mead 1934: 135–144). По мнению учёного, разум и Я человека встроены в общество и развиваются посредством общения и взаимодействия с другими. Разум адаптивно соотносит индивида с той социальной группой, к которой он принадлежит. Мид полагал, что личность постоянно приспосабливается к окружению благодаря селективной функции разума, ограничивающей наше внимание и восприятие. В этом процессе особенно важна рефлексивность самосознания: способность разума созерцать себя в целом, а также воспринимать социальные установки других индивидов внутри общества, членом которого индивид является (Mead 1934: 164–178). Таким образом, именно рефлексивность разума является связующим звеном символического интеракционизма и теории идентичности.

Человек неразрывно связан с культурой своего окружения, и для познания мира и других он использует понятия, категории и классификации, которые приняты представителями его социальной группы. Центральным в процессе восприятия понятий является идея общепризнанных значений (*shared meanings*), для которой Мид вводит категории *знака* и *символа*. По его мнению, большую роль в унификации восприятия индивида и возникновении общепризнанных значений играет имитация. Индивид наблюдает за реакцией другого на определённую ситуацию/стимул, и эта реакция становится частью поведенческого репертуара наблюдателя. Когда ситуация повторяется, индивид имитирует наблюдаемую ранее реакцию. Так он становится частью общности, а имитируемая реакция – общепринятой.

В этой связи на первый план выходит язык коммуникации, представляющий набор значимых символов, значения которых общеприняты и используются всеми членами сообщества. Символический интеракционизм, как правило, фокусируется в первую очередь или даже исключительно на символах, потому что они формируют основу мышления, языка, общения и взаимодействия.

Связь между языком и реальностью как зеркало, она отражает всё, что происходит в жизни общества. Это может вызывать у носителей как глубокое эмоциональное чувство принадлежности, так и побуждать нетерпимость, агрессию, стремление определять границы, когда язык игнорирует комплексность жизни в полиэтничном обществе и становится идеологическим оружием (Malabotta 2004: 78).

Помимо идей символического интеракционизма в теории идентичности также используется концепция систем контроля, основанная на идее «отрица-

тельной обратной связи» Н. Винера (Weiner 1948: 14–16) для контроля производительности систем. Идея заключалась в контроле количества пара, поступающего в систему двигателя, исходя из выходных оборотов. Например, если выходной сигнал показывает слишком большую нагрузку на двигатель, то система отрицательной обратной связи (ООС) уменьшает поток пара на входной стороне. И наоборот, если вывод системы был слишком медленным, ООС позволяет автоматически увеличить поток. Таким образом, система управления такого рода контролирует свои результаты путём надлежащего использования обратной связи. На выходе система показывает стабильный результат, в то время как входные данные нестабильны и непредсказуемы.

У. Пауэрс предложил использовать ООС при анализе живых систем (людей и их поведенческих механизмов), указав на то, что людям важен не контроль над выходом или реакцией. Им скорее необходим контроль над восприятием или входом в систему. Поведение людей «на выходе» довольно изменчиво, но именно непредсказуемость действий противодействует изменчивости ситуации «на входе». Факторы, создающие вариативность ситуации «на входе», Пауэрс назвал «нарушениями». Противодействие нарушений результатам «на выходе» (результаты реакции) позволяет индивиду воспринимать социальные процессы в их единообразии, постоянстве и предсказуемости (Powers 1973).

Идея ООС пересекается с концепцией Мида о координации восприятия и действия, которая позволяет людям адаптироваться к внешним и внутренним изменениям для достижения своих целей. Учёные сходятся в том, что индивид управляет не своим поведением в ситуации, а своим восприятием окружающей действительности, что позволяет ему изменять свои действия, приводя восприятие в соответствие с заданной точкой (целью). С помощью контроля восприятия люди подстраиваются под «нарушения» нестабильной, вариативной системы.

Именно поэтому идентичность как социальный конструкт делает политику государств более предсказуемой. С одной стороны, она служит, чтобы обозначить культурные, социальные, метафизические границы государства для внешних игроков; с другой – объясняет своим гражданам, кто такие «другие» (Малинова 2015: 154–169). Кроме того, сконструированная идентичностью реальность позволяет носителям определённой социальной общности выбирать общепринятые стратегии поведения для достижения конкретных целей. Получается, что коллективная идентичность определяется скорее разделяемыми идеями, нежели материальными силами, а интересы носителей общей идентичности конструируются именно разделяемыми идеями, а не даны природой (Алексеева 2019: 308–309).

Опираясь на идентитарные теории, Г. Джайлс с соавторами (Giles et al. 1977; Giles, Johnson 1981) разработали этнолингвистическую концепцию идентичности, которая объясняет положение языка в полиэтнических обществах, определяя жизнеспособность языка отдельной этнической группы как средства внутри- и межэтнической коммуникации. Данная парадигма объясняет как

краткосрочные взаимодействия на индивидуальном уровне, так и долгосрочные групповые тенденции сохранения языка или отказа от него. Исходя из эмпирических данных (Giles, Johnson 1987: 69–100), полученных в ходе опросов молодых людей Уэльса, которые определяли себя как валлийцы, использовали валлийский язык в повседневном общении и посещали двуязычные школы, Джайлс установил, что этническая идентичность проявляется через язык в ситуациях, когда носители идентичности ощущают угрозу со стороны доминантной лингво-этнической группы. Однако в то же самое время было выявлено, что в ситуациях, когда необходимо поддержать эффективную коммуникацию и когда этническая идентичность отходила на второй план на фоне профессиональной или социальной идентичности, респонденты использовали язык доминантной группы, не испытывая ущемления своей лингво-этнической идентичности.

Отсюда можно сделать вывод, что использование языка определённой этнической группой как инструмента противостояния доминантной (внутренним «другим») укладывается в рамку идеи «отрицательной обратной связи»: использование языка не является принципиальным до тех пор, пока не происходит политизация этничности. Когда респонденты не чувствовали себя равными с доминантной группой, они начинали акцентировать внимание на своей этнической принадлежности в первую очередь через язык.

Одним из показательных случаев, демонстрирующих важность языка в формировании гражданской идентичности, является современная Босния и Герцеговина. Дополняя установки этнолингвистической теории эмпирическими данными, можно с минимальной долей погрешности спрогнозировать результаты проводимой в стране языковой политики.

Языковая полифония на Балканах

На протяжении всей истории существования литературного стандарта сербохорватского языка лингвисты признавали существующие различия между сербским и хорватским вариантами. Однако в рамках общего государства этот факт не был определяющей основой идентификации. Между тем уже в процессе разрушения Югославии наличие таких особенностей позволило и Сербии, и Хорватии вести национальную языковую политику, работая над расширением и углублением отличий литературной нормы хорватского и сербского. В Боснии и Герцеговине (БиГ), которая демонстрирует «устойчивую связь фактора этнополитической конфликтности с проблемной, слабой и протекторатной государственностью» (Пономарёва, Попадьева 2018: 64), по Дейтонским соглашениям политическое оформление получили три этнические группы – сербы, хорваты и бошняки (этнические сербы, принявшие ислам), последние стали настаивать на выделении боснийского языка. Как пишет хорватский исследователь М. Капович (Karović 2011: 130), стандартизация боснийского варианта языка основывалась на введении заимствованных слов из турецкого (историческое про-

шлое региона связано со значимым влиянием Османской империи), а также адаптации существующих лексем к турецкому стандарту. Например, в Боснии для обозначения кофе бошняки используют слово «kahva» наряду с хорватским вариантом «kava» и сербским «kafa» (Greenberg 2009: 205).

Размышляя о том, можно ли считать новоязы на территории бывшей Югославии вариантами одного языка, Р. Матасович (Matasović 2001: 15–18) предлагает четыре критерия разграничения языка и диалектов: структурный, критерий взаимной понятности, генетический и критерий идентификации.

Изучая структуру языков БиГ, можно выделить различия на уровне лексики и грамматики, но их явно недостаточно, чтобы говорить, что структуры языков разные и, соответственно, перед нами три разных языка (Тошович 2012; Stets, Biga 2003). Интересный инструмент для сравнения языков предложил американский лингвист Моррис Сводеш, который разработал список базовых лексем (Swadesh 1971: 283) важнейшей («ядерной») лексики из 100 слов (используют также списки из 200 и 207 слов). По списку Сводеша боснийский, сербский и хорватские языки являются идентичными.

Взаимная понятность в случае сербского, хорватского и боснийского кажется самоочевидной, однако здесь следует уточнить – речь идёт только о литературной норме. Поскольку язык южных славян долго существовал лишь в разговорной форме, приграничные территории бывшей Югославии «обросли» диалектами, сформировавшимися под влиянием соседних языков. Например, сербам из Белграда может быть сложно понять жителей Южной Сербии, говорящих на торлакском диалекте, который ближе к македонскому и болгарскому языкам. Однако сербу из Нови Сада и хорвату из Загреба не придёт в голову использовать иностранный язык-посредник (например, английский), потому что де-юре они говорят на разных языках.

Третий критерий – генетический. Учёные сходятся во мнении, что три языка БиГ произошли из одного источника и генетически близки: их стандарты исторически связаны со штокавской диалектной базой (Тяпко 2006: 153–173). Штокавское наречие является диалектной основой кодифицированного общенационального литературного языка и имеет самую большую социолему в Сербии, БиГ, Черногории и Хорватии (где также со штокавицей сосуществуют кайкавский и чакавский диалекты) (Тяпко 2006: 154-155).

Последний критерий, который предложил Р. Матасович – идентификационный. Он определяет то, как сами носители воспринимают язык, на котором говорят. По этому критерию сербский и хорватский сегодня были бы, несомненно, разными языками, поскольку носителей разделяют границы их государств и этническая принадлежность. Однако, когда речь заходит о боснийском языке, субъективные впечатления говорящего о своем языке в БиГ противоречивы и неоднозначны, а потому не могут сконструировать языковую реальность на том уровне, чтобы использовать идентификационный критерий для кодификации боснийского языка.

Идентификационный критерий сознательно подогревается в БиГ. В конце 2019 г. вышел художественный сериал «Školokrečina» (что является игрой слов škola – «школа» и žabokrečina – «болото», «заводь», «рутина»), основанном на диссертации Ненада Величковича «Идеологическая инструментализация литературы на примерах учебников от 5 класса начальной до 4 класса средней школы в Боснии и Герцеговине». В диссертации и в сериале анализируются учебники, используемые в обычных классах в БиГ. На боснийских, хорватских и сербских учебных программах наглядно показано множество примеров политизации литературных трактовок и языковых норм, что приводит к росту ксенофобии, национализма и нетерпимости и, по сути, делает систему образования «кузницей ненависти». Интересно, что сериал построен на последовательной демонстрации уроков боснийской, хорватской и сербской литературы в одном классе, но молодые актеры каждый раз играют представителей разных этнических групп. Безусловно, помимо очевидного посыла о том, что ученики не так различаются, как это пытаются представить политики и редакторы учебников, подобная смена этнических масок может также объясняться тем, что стигматизация другого менее страшная и болезненная.

Через сатиру и гиперболизированные разделения в учебниках общей истории на хорватскую, сербскую и боснийскую показано, как система образования, несмотря на попытки учеников в сериале найти общее и осознать себя как жителей Боснии и Герцеговины, формирует внутренних «других», делая акцент на отрицательной самоидентификации школьников.

Например, в пятой серии на уроке боснийской литературы обсуждается эпизод сватовства героя устного средневекового эпоса Будалина Тале к девушке другой веры. Ученики задаются вопросом: «В какую школу пойдут дети героев эпоса, если события происходили бы в наши дни: в боснийскую или хорватскую?». Радикально настроенная часть класса предлагает, чтобы этническая принадлежность детей определялась по отцу, и дети, соответственно, будут обучаться как бошняки. В то же время другие ученики предлагают отказаться герою от помолвки и выбрать невесту своей веры, чтобы избежать проблем. На вопрос учителя, как можно в Боснии при знакомстве узнать, к какой этнической группе относится понравившаяся девушка, ученики отвечают, что нужно спросить, какую литературу она читала в школе¹. Данный феномен разделения образования особо проявляется в Федерации БиГ, где он получил название «Две школы под одной крышей»: представители двух этнических групп энтитета посещают уроки в одном здании, но учатся по разным учебным планам.

Большое внимание в сериале «Školokrečina» также уделено языковой политике и различиям трёх функционирующих в школе языков. Например, во вто-

¹ Peta epizoda, serija «Školokrečina». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dvxWm0yNWww> (дата обращения: 18.08.2021).

рой серии² на уроке сербской литературы учительница просит назвать исконно сербское слово. Когда выясняется, что все общеупотребительные слова, которые называют ученики, имеют иноязычные корни (заимствованы из турецкого, немецкого, французского, греческого, латинского), учительница обещает поставить пятерку за год тому, кто сможет сказать целое предложение, используя только сербские слова. Комичность ситуации также и в том, что ученики называют слова, которые могли бы определить их сербскую идентичность: название блюд национальной кухни, религиозные символы, феномены социальной жизни. Проводя мысленный эксперимент со школьниками в других странах, например, в России, и поиском исконных слов их языка, можно прийти к выводу, что любой ученик имел бы трудность разграничения давно заимствованных лексем от исконных в своём языке. Однако разница со школьниками в БиГ в том, что в других странах вопрос заимствования слов не стоит так остро, не воспринимается как угроза со стороны другой этнической группы в размывании границ собственного языка, а носители не отказываются от использования общеупотребительных лексем из-за того, что они были заимствованы из языка соседнего народа.

Попытки унификации языков встречаются и сегодня, но на фоне политизации этнического фактора остаются безуспешными. Например, три года назад была разработана Декларация об общем языке. Это программный текст о гипотетическом общем языке, на котором говорят в БиГ, Хорватии, Сербии и Черногории. Документ был опубликован 30 марта 2017 г. за подписью более 200 видных боснийских, хорватских, сербских и черногорских учёных, журналистов, литераторов, историков. К октябрю того же года декларацию подписали всего 8,5 тыс. человек³. Однако идея подверглась острой критике со стороны отдельных политиков и лингвистов, выступающих с позиции «язык – часть суверенитета страны» и осталась призывом.

Таким образом, языковая кодификация основывается не только на лингвистических критериях. Часто на первый план выходит критерий языковой идентичности, а также социально-политическая рамка, в которой существуют носители того или иного языка. Причём речь идёт не только о языковой политике в странах бывшей Югославии.

Например, в Кении есть язык *mijikenda*, который дословно переводится как «речь девяти деревень». Действительно, на территории девяти кенийских деревень говорят на одном языке с небольшими различиями, однако носители

² *Druga epizoda, serija «Školokrečina»*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yYHGRC80TSA&t=37s> (accessed 18.08.2021).

³ Декларaciju o zajednickom jeziku dosad potpisalo vise od dvjesto strucnjaka iz regije. *Radio Sarajevo*. URL: <https://radiosarajevo.ba/metromahala teme/deklaraciju-o-zajednickom-jeziku-dosad-potpisalo-vise-od-dvjesto-strucnjaka-iz-regije/257664> (accessed 18.08.2021).

mijikenda утверждают, что говорят на разных языках, а также отказываются от попыток стандартизировать *mijikenda* (Buzási 2016).

Интересное сравнение языковой ситуации в странах бывшей Югославии предлагает М. Капович (Karović 2011: 139), проводя параллель с урду в Пакистане и хинди в Индии. Урду и хинди имеют идентичную основу и взаимопонимаемы носителями, однако по-разному стандартизированы. Говорящие на урду – мусульмане, а говорящие на хинди – индуисты, так же как, например, хорваты традиционно являются католиками, сербы – православными, а бошняки – мусульманами. Влияние религии заметно и в написании двух языков: в урду используется арабская вязь, а в хинди – деванагари, один из индийских алфавитов, подобно тому, как в хорватском и босанском вариантах используется латиница, а в сербском – кириллица (причём, несмотря на признание латиницы в Сербии, в Республики Сербской используется только кириллица). Кроме того, на уровне культурной и цивилизационной лексики на урду большое влияние оказывает арабский язык, в то время как в хинди эту роль играет санскрит. Ту же тенденцию отмечают в босанском варианте, где всё больше появляется турецизмов, тогда как сербский и хорватский основываются на латинских и греческих заимствованиях соответственно.

* * *

Проведённый анализ лингвистической политизации в Боснии и Герцеговине позволяет сделать вывод о том, что развитие трёх языков боснийского государства основывается на отрицательной идентичности. Этот вывод подтверждает исследование, проведённое в рамках изучения трендов идентификации в молодёжной среде БиГ. Электронное анкетирование проживающих в Сараево, Восточном Сараево, Баня Луке и Рогатице молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, а также многочисленные персональные мини-интервью выявили два взаимосвязанных тренда, свидетельствующих об идентификационном диссонансе сознания респондентов. С одной стороны, существует образовательно-профессиональная тенденция укрепления идентичности. С другой – доминирование негативного тренда групповой идентификации молодёжи: противопоставление своей этнической группы внутренним «другим» (этнополитический конфликт внутри страны), а также самоопределение через отрицание внешних «других» (Пономарёва, Попадьева 2019: 114).

В результате система отрицательной обратной связи работает в ситуации, когда носители трёх вариантов, по сути, одного языка вынуждены фокусироваться на лингвистических различиях, чтобы подчеркнуть свою этническую идентичность внутри страны. Причём тенденции к смягчению и нивелированию данной ситуации не наблюдается. Более того, поправки к Уголовному кодексу БиГ, введённые Верховным представителем СБ ООН 27 июля 2021 г. об уголовном преследовании сроком от трёх месяцев до пяти лет лиц, отрицающих

«геноцид в Сребренице»⁴, стали фактором усиления деструктивных процессов. Буквально на следующий день чрезвычайная сессия Народной Скупщины энтитета БиГ Республики Сербской (РС) одобрила поправки в свой УК, согласно которым тюремный срок будет теперь грозить за публичное оскорбление РС и её символики, а также за объявление сербов «геноцидным народом»⁵. Таким образом, политическая ситуация в БиГ не только остаётся крайне нестабильной, но и грозит перерасти в фазу окончательного размежевания по границам энтитетов. Этот процесс видится неизбежным не только в силу геополитических причин, но и в виду враждебной боснийским «другим» сербской идентичности, одним из базовых факторов которой является язык.

Обсуждение результатов

Сегодня упорно пропагандируется миф об абсолютной ценности родного языка, однако в то же время лингвисты, юристы и политики говорят о том, что необходимо поддерживать и сохранять языки меньшинств как одну из основ культурного наследия разных народов, проживающих на территории одной страны. Случай Боснии и Герцеговины демонстрирует сложившееся противоречие теории и практики, когда одновременно родной язык и язык меньшинства различается лишь по идентификационному критерию (то есть этнониму). Искусственная кодификация языков Боснии и Герцеговины показала свою несостоятельность, поскольку, несмотря на образовательные стандарты в школах, носители за пределами учебных заведений называют язык БиГ «наш» (naš) или «местный» (lokalni) и не имеют трудностей в коммуникации. Попытки открытия образовательных центров по изучению языка меньшинств на территории другого энтитета также носят лишь политический характер и не имеют никакого практического выхода. Так, в Республике Сербской в 2014 г. был открыт Образовательный центр Нова Касаба, где «130 учеников ведут борьбу за боснийский язык»⁶. В то же время центров по изучению сербского языка в боснийско-хорватском энтитете нет. Единственное возможное решение, которое предлагали академики не так давно – унификация языковых стандартов и уход от этноориентированного названия языков БиГ. Однако, как было показано выше, данный путь потребовал бы от жителей страны отказа от своей этнической идентичности в пользу построения наднациональной общности, что на данном этапе развития БиГ не только невозможно, но и губительно для существова-

⁴ Митић А. Валентин Инчко изменама закона забранио негирање геноцида у БиХ. *Радио Телевизија Србије*. 23 июля 2021. URL: <https://www.rts.rs/page/stories/ci/story/3/region/4454279/valentin-incko-krivicni-zakon-bih-.html> (accessed 18.08.2021).

⁵ Стоянович Т. Запад не сломиће боснијских сербов, и «геноцид в Сребренице» ему не поможе. *Regnum*. 2 августа 2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3335140.html> (дата обращения: 18.08.2021).

⁶ *Edukativni centar Nova Kasaba*. 3.03.2021. URL: <https://www.osmalta.edu.ba/2021/03/03/1319/> (accessed 18.08.2021).

ния страны в целом. Так, упрощение фонетических и грамматических норм реформы В. Караджича «пиши, как говоришь», целью которой было объединение южных славян, спустя два столетия стало оружием политической борьбы по разобщению народов. Пока политики не перестанут делать ставку на языковые различия, жители БиГ не будут ощущать себя гражданами одной страны.

Об авторе:

Татьяна Игоревна Попадьева – младший научный сотрудник Института системно-стратегического анализа (ИСАНА).

Россия, 111398, Москва, ул. Кусковская, д. 16. E-mail: tatpopadyova@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 325.3
Received: June 25, 2021
Accepted: July 21, 2021

The Politics of Language in Constructing Civil Identity: Case of Bosnia and Herzegovina

T.I. Popadeva

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-4-79-91-106](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-91-106)

Institute of System-Strategic Analysis

Abstract: Civil identity is one of the most significant factors in modern political practice. Today's identity formation and development of large national groups is less based on a cultural and historical foundation and increasingly depends on political technologies. Among them, the construction of new languages plays an important role. The article studies the Bosnian language policy, which, contrary to forming a common civil identity, as a result of the politicization of linguistic norms becomes a factor in creating a "forge of hatred". Drawing on constructivist social theories, the author summarizes Bosnian linguistic practices and examines them through the prism of symbolic interactionism and negative feedback systems. Particular attention is paid to situations when the desire for effective communication motivates speakers to abandon ethnically colored linguistic markers and situations in which the language acts as a defense against the internal "other." Applying the criteria for distinguishing between language and dialects, the author concludes that the phonetic principle of the Serbo-Croatian language formation made it possible, after the destruction of Yugoslavia, to turn this linguistic continuum into an identification weapon to delimit the citizens of one

country. This experience helps analyze the politicization of literary interpretations and linguistic norms in other regions of the world, where there are also examples of the growth of xenophobia, nationalism, and intolerance resulting from a differentiating language policy.

Keywords: civic identity, language policy, image of the “other”, Serbo-Croatian language, Balkans, Bosnia and Herzegovina

About the author:

Tatiana I. Popadeva – Junior Researcher, Institute of System-Strategic Analysis (ISSA), 16 Kuskovskaya St., Moscow, Russian Federation, 111398. E-mail: tatpopadyova@yandex.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Alexander R. 2010. Cultural Identity in Southeastern Europe: Balancing the Global and the Local. *Europe-Evropa: Cross-cultural dialogues between the West, Russia, and southeastern Europe*. Kononen M. and Nuorluoto J. (eds). Uppsala: University of Uppsala. P. 15-33.

Blumer H. 1962. Society as Symbolic Interaction. *Human Behavior and Social Processes*. Rose A. M. (eds) Boston: Houghton Mifflin. P. 179–192.

Bugarski R. 2012. Language, Identity and Borders in the Former Serbo-Croatian Area. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 33(3). P. 219–235. DOI: 10.1080/01434632.2012.663376

Bugarski R. 2017. Ethnicity and Mother Tongue in Population Censuses: from Yugoslavia to Serbia and Montenegro. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 38(8). P. 742–752. DOI: 10.1080/01434632.2016.1252768

Burke P.J., Stets J.E. 2009. *Identity Theory*. Oxford: Oxford University Press. 272 p.

Buzási K. 2016. Languages and National Identity in Sub-Saharan Africa: A Multilevel Approach. In: M. Gazzola & B. Wickström (eds). *The Economics of Language Policy*. Cambridge, MA and London: MIT Press. P. 225–264. DOI: 10.7551/mitpress/9780262034708.003.0008

Carmichael C. 2000. A People Exists and that People Has its Language: Language and Nationalism in the Balkans. *Language and nationalism in Europe*. Barbour S., Carmichael C. (eds). Oxford: Oxford University Press. P. 221-239.

Edwards J. 2009. *Language and Identity: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511809842

Giles H., Bourhis R.Y., Taylor D.M. 1977. Towards a Theory of Language in Ethnic Group Relations. *Language, Ethnicity and Intergroup Relations*. H. Giles (Ed.). London: Acad. Press. P. 307–348.

Giles H., Johnson P. 1981. *The Role of Language in Ethnic Group Relations. Intergroup Behaviour*. Oxford: Basil Blackwell. P. 199–243.

Giles H., Johnson P. 1987. Ethnolinguistic Identity Theory: a Social Psychological Approach to Language Maintenance. *International Journal of the Sociology of Language*. №68. P. 69–100. DOI:10.1515/ijsl.1987.68.69

Greenberg R.D. 2009. Dialects, Migrations, and Ethnic Rivalries: The Case of Bosnia-Herzegovina. *Journal of Slavic Linguistics*. №1-2. P. 193–216.

Halilbašić S. 2018. Bosnia and Herzegovina's National Theatres in the Context of Language Politics During the War. *Theatre in the Context of the Yugoslav Wars. 1st ed.* Dolečki J., Halilbašić S., Hulfeld S. (eds) Palgrave Macmillan: Switzerland. P. 63-81. DOI: 10.1007/978-3-319-98893-1_4

Malabotta M.R. 2004. Semantics of War in Former Yugoslavia: A Response to the Papers and Debate. *Language Discourse and Borders in the Yugoslav Successor States*. Busch B., Kelly-Holmes H. (eds). Multilingual Matters: Toronto. P. 78-87. DOI: 10.21832/9781853597336-008

Mead G.H. 1934. Mind, Self, and Society. *Identity Theory*. Burke P.J., Stets J.E. 2009. Oxford: Oxford University Press. P. 33-47. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195388275.001.0001

Mitrovic M. 2004. Language, Borders, Identity: A Response to Ranko Bugarski. In: Busch B., Kelly-Holmes H. (eds). *Language Discourse and Borders in the Yugoslav Successor States*. Multilingual Matters: Toronto. P. 75-77. DOI: 10.21832/9781853597336-007

Powers W.T. 1973. *Behavior: The Control of Perception*. Chicago: Aldine. 266 p.

Stets J.E., Biga C.F. 2003. Bringing Identity Theory into Environmental Sociology. *Sociological Theory*. №4. P. 398-423. DOI: 10.1046/j.1467-9558.2003.00196.x

Swadesh M. 1971. *The Origin and Diversification of Language*. Chicago: Aldine, 372 p.

Weiner N. 1948. *Cybernetics: Or the Control and Communication in the Animal and the Machine*. Cambridge: MIT Press. 244 p.

Wendt A. 1992. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*. 46(2). P. 391-425.

Kapović M. 2011. *Čiji je jezik?* Zagreb: Algoritam. 183 p. (In Serbian)

Matasović R. 2001. *Uvod u poredbenu lingvistiku*. Zagreb: Matica Hrvatska. 334 p. DOI: 10.4312/linguistica.42.1.195-198 (In Croatian)

Petrović D. 2006. Anatomija identiteta: teorijsko problematiziranje identiteta. *Etnološka istraživanja*. №11. S. 209-233. (In Serbian)

Sekulić I. 1966. *Anketa: Govor i jezik*. Beograd: Matica Srpska. P. 305-337. (In Serbian)

Selimović M. 1987. *Za i protiv Vuka*. Beograd: BIGZ. 136 p. (In Serbian)

Tošović B., Wonisch A. 2012. *Srpski pogledi na odnose između srpskog, hrvatskog i bošnjačkoga jezika*. Knjiga 1/3. Beograd: Beogradska knjiga. 638 p. (In Serbian)

Alekseeva T.A. 2019. Konstruktivizm v mezhdunarodno-politicheskikh issledovaniyah [The Constructivism in International Political Studies]. *Sovremennaja politicheskaja nauka: Metodologija*. Gaman-Golutvina O. V., Nikitin A.I. (eds). Moscow: Aspekt Press. P. 293-315. (In Russian)

Achkasov V.A. 2013. Politika identichnosti v sovremennom mire. [Identity Politics in the Modern World]. *Vestnik SPbGU*. 6(4). P. 71-77. (In Russian)

Gorshkov M.K., Tjurina I.O. 2018. Sintez jetnonacional'nogo i grazhdanskogo kak osnova Rossijskoj identichnosti [Synthesis of Ethno-National and Civic as the Basis of Russian Identity]. *Vestnik RUDN: Sociologija*. 18(1). P. 44-57. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57 (In Russian)

Malinova O.J. 2015. Koncept «Drugogo» v issledovanijah identichnosti: analiz sovremennyh diskussij [The Concept of the "Other" in the Study of Identity: Analysis of Contemporary Discussions]. *Politicheskaja nauka*. №4. P. 154-169. (In Russian)

Nojmann I. 2004. *Ispol'zovanie «Drugogo»*. *Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostej* [Using the "Other". Images of the East in the Formation of European Identities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 336 p. (In Russian)

Ponomareva E.G. 2013. Balkany kak zona (dez)integracii [The Balkans as a Zone of (Dis) Integration]. *Razvitie i jekonomika*. №5. P. 82-95. (In Russian)

Ponomareva E.G., Popadeva T.I. 2018. Bosnija i Gercegovina: jetnopoliticheskij faktor problemnoj gosudarstvennosti [Bosnia and Herzegovina: Ethnopolitical Factor of Problematic Statehood]. *Obzrevatel'*. №11, P. 63-76. (In Russian)

Ponomareva E.G., Popadeva T.I. 2019. Trendy identifikacii v molodezhnoj srede Bosnii i Hercegoviny i Severnoj Makedonii [Identification Trends in the Youth Environment of Bosnia and Herzegovina and Northern Macedonia]. *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 3(36). P. 98–119. DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10307 (In Russian)

Semenenko I.S., Fadeeva L.A. (eds). 2011. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a Subject of Political Analysis]. Moscow: IMJeMO RAN. 299 p. (in Russian)

Tošović B. 2012. Osobennosti bosnijskogo/boshnyackogo yazyka po otnosheniyu k serbskomu i horvatskomu [Features of the Bosnian/Bosniac Language in Relation to Serbian and Croatian]. *Slavia Islamica: Language, Religion and Identity*. Greenberg R. D., Nomachi M. (ed.). Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. P. 9–64. (In Russian)

Tjapko G.G. 2006. Horvatskoe «trijazyč'e» v nachale XXI v. [Croatian "Trilingual" at the Beginning of the 21 Century]. *Globalizacija – jetnizacija: jetnokul'turnye i jetnojazykovye process*. Neshhimenko G.P. (ed.). Moscow: Nauka. P. 153–173. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Алексеева Т. А. 2019. Конструктивизм в международно-политических исследованиях. *Современная политическая наука: Методология*. Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. Москва: Аспект Пресс. С. 293–315.

Ачкасов В.А. 2013. Политика идентичности в современном мире. *Вестник СПбГУ*. 6(4). С. 71–77.

Горшков М. К., Тюрина И. О. 2018. Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности. *Вестник РУДН: Социология*. 18(1). С. 44–57. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57

Малинова О. Ю. 2015. Концепт «Другого» в исследованиях идентичности: анализ современных дискуссий. *Политическая наука*. № 4. С. 154–169.

Нойманн И. 2004. *Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. Москва: Новое издательство. 336 с.

Пономарёва Е. Г. 2013. Балканы как зона (дез)интеграции. *Развитие и экономика*. №5. С. 82–95.

Пономарева Е. Г., Попадьева Т. И. 2018. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности. *Обозреватель-Observer*. №11. С. 63–76.

Пономарёва Е.Г., Попадьева Т.И. 2019. Тренды идентификации в молодежной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*. 3(36). С. 98–119. DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10307

Семененко И. С., Фадеева Л. А. (ред.). 2011. *Идентичность как предмет политического анализа*. Москва: ИМЭМО РАН. 299 с.

Тошович Б. 2012. Особенности боснийского/бошняцкого языка по отношению к сербскому и хорватскому. *Slavia Islamica: Language, Religion and Identity*. Greenberg R. D., Nomachi M. (ed.). Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. P. 9–64.

Тяпко Г.Г. 2006. Хорватское «триязычье» в начале XXI в. *Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 кн.* Отв. ред. Г.П. Нещименко. Москва: Наука. Кн. 2. С. 153–173.